

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 949917

Editor-Director
TATIANA X. DE DUBROWSKY

Casiña de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

Correo
Argentino
Suc. 30 (B)

FRANQUEO PAGADO

Concesión No. 4233

Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

AÑO XX

Buenos Aires, Martes, 23 de abril de 1968

Буэнос Айрес, вторник 23 апреля 1968 года № 949

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

344. ХАНОЙ ВПЕРВЫЕ ОФИЦИАЛЬНО ПРИЗНАЛ ОПАСНО РАСТУЩЕЕ АНТИКОМУНИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СЕВ. ВЬЕТНАМЕ. — ДРЕЗДЕНСКИЙ ДОПРОС НОВОГО ВОЖДА ЧЕШСКОЙ КОМПАРТИИ А. ДУБЧЕКА. — ГОМУЛКА РАЗОБЛАЧАЕТ АНТИСОВЕТСКИЙ ХАРАКТЕР ВОЛНЕНИЙ И ПРОТЕСТОВ СТУДЕНЧЕСКОГО И НАУЧНОГО МИРА В ПОЛЬШЕ. — ИСКЛЮЧЕНИЕ ИЗ ПАРТИИ РЯДА ЗАЩИТНИКОВ ОСУЖДЕННЫХ СОТРУДНИКОВ ФЕНИКСА-66. — СМЕРТЬ КОМУНИСТИЧЕСКОГО ПОЭТА И. Л. СЕЛЬВИНСКОГО И ТРАГИЧЕСКИЙ КОНЕЦ ЮРИЯ ГАГАРИНА

До сих пор печать всего мира писала о всяких противоречивых выступлениях в Южном Вьетнаме, о саможжении разных буддистских фанатиков, о манифестациях против американских союзников, о столкновениях с полицией то студентов, то рабочих, но никогда даже не упоминалось, что на Севере кто-либо может быть недоволен коммунистической диктатурой. Получалось впечатление: вот на юге все плохо, все недовольны и открыто выражают недовольство (что свидетельствует о терпимости правительства в стране находящейся в состоянии гражданской войны при вторжении с севера целых дивизий коммунистических войск на поддержку южных партизан), на севере же, несмотря на воздушные бомбардировки американской авиации, всеобщее преклонение перед коммунистической диктатурой.

Однако, декрет правительства Северного Вьетнама от 21-го марта с. г. устанавливает смертную казнь за всякую контрреволюционную деятельность”.

На следующий день, 22-го марта, поясняя причины распространения смертной казни за это преступление, существование которого никогда не было признано, радио Ханой повестило, что в Сев. Вьетнаме в тылах коммунистических войск оперируют контрреволюционные отряды, и призывает население помочь правительству и армии в борьбе против них в “переживаемый трудный период нашей отечественной войны”. Дальше указано из кого состоят эти антикоммунистические вооруженные отряды: “еще упорствующие в своем сопротивлении народному режиму представители ликвидированных компартий помещиков, кулаков, капиталистов, реакционные элементы, маскирующиеся защитой религии, лица, связанные в прошлом с французской администрацией в период французского колониального гнета, б. военные и служащие персонала правительства французского ставленника-императора, вооруженные бандиты в горных областях

страны, а также другие не поддающиеся перевоспитанию элементы и саботажники, поощряемые американскими империалистами”. Этот длинный список врагов коммунизма ясно свидетельствует, что их подрывную работу теперь невозможно больше скрывать джигивым туманом фраз о народном единстве и сплочении всех “патриотов” вокруг диктатуры Хо Ши Мина. Это признание Ханоя считаю самым крупным событием бесконечной войны во Вьетнаме.

Кульминационная точка событий в Чехословакии выразилась в отставке президента Антонина Новотного. Ему оставался еще год пребывания на декоративном посту, на котором он, уступив власть над партией Александру Дубчеку, покорно подписывал смещения всех своих ближайших сторонников. В последние дни со всех сторон стали требовать его немедленного ухода. Дубчек “должил” об этом Москве, которая прекратила его формальную поддержку. Брежнев отвернулся от верного холопа, поняв, что поддержка его усилила бы “тягу от Москвы”. Напуганные новым курсом Дубчека и особенно возможностью сговора с Зап. Германией лидеры восточно-германской компартии просили Москву его оспенить. Поэтому было созвано экстренное совещание в Дрездене. Во время совещания под предлогом весенних маневров советские дивизии в Вост. Германии направились к чешской границе, что звучало ясной угрозой на случай непокорности Дубчека. Он заверил, что Чехословакия останется верной обязательствам Варшав-

ского пакта и, повидимому, обязался провести в преемники Новотному 73-летнего генерала Людвика Свободу, старого красногвардейца и участника Гражданской войны в рядах Красной армии. В годы Второй Мировой войны Свобода командовал чешским легионом в рядах советских войск, с которыми вернулся в Прагу. Со стороны СССР в “Дрезденском допросе” Дубчека участвовали Л. Брежнев, А. Косыгин, член политбюро А. Кириленко, член политбюро и 1-й секретарь ЦК Украины П. Шелест, председатель Госплана Н. Байбаков и член Центральной Ревизионной Комиссии и заведующий отделом Секретариата ЦК по сателлитам К. Русаков. Совещание продлилось всего один день (23-го марта), после чего Дубчек предложил на пленуме ЦК своей партии принять отставку Новотного и рекомендовать в президенты ген. Свободу, более “либерального” министра лесного хозяйства Иосифа Смирковского выбрать членом президиума партии вместо Новотного, потерявшего и этот пост, а любимца молодежи Честомира Чизара избрать одним из секретарей ЦК, чтоб удовлетворить этих двух неугодных Кремлю соперников Свободы на президентский пост. Однако, не только студенты, но и столичные рабочие демонстрировали против навязывания стране дряхлого любимца Москвы, находя, что генерал не должен занимать пост президента. 30-го марта парламент 280 голосами из 288 (6 воздержалось) избрал генерала Свободу президентом, что усилило брожение среди населения против нового президента — ставленника СССР.

Меня поражает, что западная печать мало уделила внимания докладу Гомулки о варшавских волнениях, из которых ясно, что в их основе лежит не сионизм, не свобода университетского преподавания, а исключительно протест польской интеллигенции против подчинения политбюро ЦК КПСС.

Когда вспыхнули в середине марта студенческие беспорядки, то Гомулка на собрании партактива Варшавы в длинном докладе изложил всю историю волнений против правительства. Оказывается, что при праздновании 50-летия Октябрьской революции в государственном театре при представлении постановки “Дядюшкин сон” (“Дедов”) Адама Мицке-

Русская монархия есть морально и технически наиболее совершенный в истории мира способ управления государством. В данный исторический момент мы, повидимому, переживаем одну из самых решающих эпох человеческой истории — эпоху полного банкротства демократии, как государственной системы: с государственными задачами, а тем более мировыми, эта система технически справиться не может.

Иван СОЛОНЕВИЧ

Имча вспыхнули аплодисменты всего зала, когда “москаль” снимает оковы с польского героя, а он говорит: “знаю, что значит получить свободу из рук москаля. Подлецы мне снимут оковы с рук и ног, но наденут их на мою душу”. Это была не антирусская, а анти-советская демонстрация: советские войска “освободили” Польшу от германских оккупантов, но “заковали” коммунистическими цепями национальную свободу. Демонстрация повторилась при сцене, когда русский офицер объясняет декабристу Бестужеву отношение поляков к русским: “не удивляйся, что нас здесь проклинают вот уже целое столетие, ибо из Москвы в Польшу шлют только подлецов”. Это вызвало бурный восторг зала, помнящего диктатуру маршала Рокоссовского и теперь гнет Брежнева. Аплодисменты превратились во враждебную демонстрацию против командующего советскими войсками в Польше ген. армии Г. И. Хетагурова и советского посла А. Б. Аристовова.

Испуганный Гомулка приказал снять пьесу с репертуара, что вызвало протесты писателей. Пьесу продолжали держать под запретом и 29-го февраля Варшавское отделение Союза писателей приняло резкую резолюцию, обвиняющую правительство в гонении на национальную культуру в угоду иностранцам. Тогда Гомулка обвинил писателей в том, что они превращают “антикаристовское произведение Мицкевича в антисоветское оружие”, забыв, что 600.000 советских воинов погребено в польской земле за последнюю войну. При этом Гомулка цинично вскрыл причины своего советофильства: Польша захватила германские земли вплоть до реки Одер и Нейссе и потеряет их, если СССР не станет их защищать и согласится на требуемый Зап. Германией пересмотр

† Во вторник, 30-го апреля, в 7.30 час. вечера в Храме Всех Святых в Земле Российской Просиявших (Malabia 1253, Castelar) будет совершена ПАНИХИДА по

ПРОТОИЕРЕЕ

о. ГЕОРГИИ РОМАНОВЕ.

Вдова покойного, О-во Православный Русский Очаг и друзья покойного.

† 9-го апреля с. г. скончался после продолжительной болезни
ДОКТОР

АРЧИЛ ХАШИДЗЕ,

о чем сообщают жена Ольга Клементьевна (урожд. Голикова), сестра жены Лидия К. Акулова, д-р Борис Акулов с матерью, мать жены Лидия И. Голикова, пасынок Андрей М. Подольский с женой Ниной и семья д-ра Вербицкого.

† В воскресенье, 14 апреля, в 3.30 час. утра волею Божией, после долгой и тяжелой болезни скончался в Буэнос Айресе профессор физической химии

МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ МИХАЙЛОВ,

о чем с глубокой скорбью извещают: вдова, Суворовский Союз и друзья покойного. Похороны состоялись 15-го апреля на кладбище San Martin.

† 2-го мая с. г. в 11 час. утра во вторую годовщину кончины
ГАВРИЛА КОНСТАНТИНОВИЧА ГОРЛИНА

в храме Всех Святых в Земле Российской Просиявших (Malabia 1253, Castelar) будет отслужена панихида,
о чем сообщает друзьям и знакомым вдова покойного.

† По случаю скоропостижной кончины

ОЛЕГА РОСТИСЛАВОВИЧА ЕРГИНА

5-го мая с. г. после Божественной Литургии в Кафедральном Соборе Воскресения Христова будет отслужена панихида по усопшему,
о чем сообщают друзья покойного.

гранци. Он проинтервьюировал выступление знаменитого польского писателя Колаковского: "если кого бьют по морде 22 года (т. е. с момента советской оккупации Польши в 1945 году) и вдруг он на 23-ем году обижается, то это кажется странным. Как, — спрашивает Колаковский, — преподают историю детям? Это просто чушь, исчезли историки По-бург-Малиновский, писатели Вежинский Лехонь, Чеслав Милош, Станислав Котц, Мариан Кукель, Новачинский. Делами вершат невежды, облеченные абсолютной властью". Колаковский протестовал против приговора к 3-м годам тюрьмы поэта Януша Шпотанского: "этот молодой поэт за сатирический фарс получил три года тюрьмы. Резолюция протеста была предложена писателем Павлом Ясеницей. Теперь Гомулка сообщает, что его имя Леон Лех Бейнар (еврей), что он дезертировал в 1945 году из Войска Польского (просоветского) и 3 года боролся в рядах антисоветского партизанского отряда Лупашко, все главари которого расстреляны за убийство польских коммунистов, милиционеров, парработников и советских солдат".

Гомулка загадочно добавляет: "3-го мая 1949 года следствие против Ясеницы прекращено по мотивам ему известным (?), но все его сообщники расстреляны. Теперь он, опытный подпольщик, собрал 3.140 подписей (но из них только 1.469 разборчивы) под резолюцией протеста против гонений на культуру, поданной ректору студенткой Ириной Ласота-Хиртович. Против студентов начато дисциплинарное дело, на что Ясеница протестовал в письме на имя ректора. Это письмо подписали все семь известных писателей. У писателя Яцека Куроня собрались 3-го марта 15 студентов "главным образом еврейского происхождения", которые готовили в женский день 8-го марта демонстрацию против ареста студентов Михника и Шлейфера, передавших материалы о студенческих волнениях корреспонденту одной западной газеты. Далее Гомулка защищает полицию и дружинников, разогнавших 8-го марта студенческую демонстрацию, причем цитирует листовки, раздаваемые студентами, из которых узнаем (он не опровергает), что студентка Мария Баранецкая умерла в госпитале от побоев дружинников, убита палками студентка Яница Бжоз, которая была беременна на 4-ом месяце. Один студент потерял зрение, многим поломаны ребра. Гомулка приводит текст листовок: "Долой коммунизм, сбросим московское ярмо", "Пережили немецкое нашествие, переживем и советское", "Не жалейте камней, ни кирпичей для милиционеров и других сукиных сынов", "Долой СССР и режим Гомулки".

По официальным данным на 15-е марта ранено 72 милиционера, 31 дружинник и 43 "рабочих активиста", разогнавших студентов.

Теперь Гомулка разъясняет молодежи, что без СССР Польша окажется игрушкой в руках западных союзников по НАТО, которые отберут завоеванные у Германии земли. Гомулка затем подробно излагает историю Польши за последние 30 лет и упрекает Запад в том, что предал ее в 1939 году Гитлеру, ибо тогдашние правители были враждебны союзу с СССР. 15.000 бойцов за союз с СССР было "убито политическими друзьями Ясеницы". Теперь снова возбуждают молодежь против СССР, единственного верного защитника Польши. Затем идут нападки на польскую эмиграцию, зовущую "раздавить СССР" и попрекающую Соединенные Штаты за то, что воюют за Вьетнам, но не за Польшу. Польского эмигранта Мерошевского он попрекает за то, что тот зовет к дружбе не с СССР, а с будущей Россией после насильственного свержения советского правительства. Далее Гомулка предвещал изгнание из университетов всех профессоров, обвиненных в подстрекательстве студентов, что и последовало через неделю после его речи на Варшавском активе. В заключение он указал на активную роль в организации беспорядков еврейской молодежи, родители которой занимают ответственные посты, но оказывают не в состоянии воспитать сыновей и дочерей в духе коммунизма и благодарности к СССР за освобождение Польши от нацизма и защиту ее интересов против западных империалистов. Эти видные бюрократы еврейского происхождения потеряли свои посты в дни, предшествовавшие выступлению Гомулки.

Меня могут спросить: почему в моих последних статьях я столько места уделяю событиям в Чехословакии и Польше? Вот мой ответ:

1. В политбюро поняли антисоветский характер последних событий в этих двух странах и устроили Дрезденский "допрос" Дубчеку и полностью опубликовали речь Гомулки на 2-й стр. "Правды". События в Польше и Чехословакии колеблют прочность Варшавского Пакта и знаменуют переход еще двух сателлитов на роль Румынии.

2. Лучшая часть польской молодежи враждебна не России, а коммунизму. На позициях антикоммунизма при дружбе с Россией стоит и лучшая боевая часть польской политической эмиграции. Она издала на свой счет "Суд над Сталиным" и поручила предисловие и перевод на русский язык народному монархисту. Общими усилиями РНМД и поляков издание проникает за Железный Занавес.

Нарастающий протест интеллигенции, партийных и беспартийных ученых и молодежи, в первую очередь студенчества, не только в Чехословакии и Польше, но и особенно в самой России ставит перед Брежневым вопрос: как реагировать — уступками или ежовщиной? Пока он вступил на путь словесных и формальных угроз и "морального воздействия".

27-го марта постановлением Комитета Партийного Контроля при ЦК под председательством старейшего по возрасту члена политбюро Арвида Яновича Пельше, исключены из партии, как это делали с троцкистами перед арестом, следующие члены партии:

1. Член коллегии защитников Московского Областного суда Золотухин за то, что при защите на суде Гинзбурга позволил себе антипартийные выпады и нарушил партдисциплину.

2. Профессор университета по истории искусств Шурагин, участвовавший в выступлениях на улице перед судом в дни процесса и критиковавший партийные директивы.

3. Художник Биргер, исключенный в 1963 г. за выставку картин, вызвавшую критику Хрущева. Теперь оказывается, что он принимал участие в протестах против процесса.

4. Профессор истории литературы Копелев, собиравший среди научных работников подписи под протестами и жаловавшийся иностранным журналистам в связи с процессом.

5. Писатель Коряков, также собиравший подписи под протестом.

6. Член редколлегии издательства "Наука" Алексеева, которая подозревается в передаче иностранным журналистам текста выступления на суде защитника Золотухина.

Как я предполагал, не посмели еще так поступить с известными на Западе Павлом Литвиновым, историком Якиром, женой Даниэля — Лариссой Богораз и писателем Павлом Аксеновым, на что обратила бы особое внимание иностранная печать.

29-го марта на собрании Московского партактива Брежнев разразился грозной речью. Он начал с повторения слов Хрущева, произнесенных в 1960 г., что при международном сосуществовании двух миров не может быть речи об идеологическом сосуществовании. Идеологическая борьба стоит сегодня на передовых позициях классовой борьбы. В рядах партии и в народе не может быть места политическому равнодушию, пассивности или нейтральности. Империализм старается подорвать единство между рабочим классом социалистических государств (намек на Румынию, Польшу и Чехословакию, особенно последнюю), опираясь на националистические и ревизионистские элементы, на некоторые группы советских граждан. Затем Брежнев долго распространялся в нападениях на тех, кто ищет дешевой популярности не честным трудом на построение коммунистического общества, а сомнительной честности выступлениями, не пренебрегая защитой наших идеологических противников: "Отвратительные двурушники и ренегаты коммунизма не должны рассчитывать на безнаказанность. Партия стоит на страже ленинского наследия и является руководителем работников литературы и искусства. Наши враги рассчитывают опереться на политически незрелые элементы молодежи, но партия воспитывает их строителями коммунизма, следуя приме-

● СОВЕТСКАЯ ПОМОЩЬ СЕВЕРНОМУ ВЬЕТНАМУ

Выходящий в Лондоне советский журнал "Soviet Weekly" сообщил, что объем поставок из Советского Союза в Сев. Вьетнам в течение этого года увеличился примерно на 20%. Поставки советских товаров в Северный Вьетнам будут осуществляться морским путем. Портом назначения остается Хайфонг, несмотря на то, что этот порт подвергается налетам американской авиации.

По определению американских специалистов, стоимость советской помощи Северному Вьетнаму до сих пор составляла один миллиард рублей в год.

ру великого писателя-коммуниста Максима Горького".

Пониздевавшись над военными неудачами США во Вьетнаме, над кризисом британской валюты, которая вызвала кризис доллара и отразится еще сильнее на экономике Зап. Германии, Брежнев подчеркнул якобы растущее преуспевание коммунистических стран и "еще раз подтвердившееся в Дрездене единство стран участниц Варшавского Пакта".

Только из списка делегаций подсоветские читатели узнали, что в Дрездене не было румын. Иностранцы коммунисты утверждают, что в заключение Брежнев недвусмысленно пригрозил выступлением членов Варшавского Пакта против всякого союзника, который оказался бы неверным союзным обязательствам. При этом он ясно дал понять, что не позволит чехословацкой компартии повторить "ошибки" венгерских вождей в 1956 году.

Несмотря на эти грозные речи весьма сомнительно, чтобы СССР решился на вооруженное выступление против Чехословакии, которая, несмотря на торжоз в лице московского холопа из бывших красноармейцев генерала Людвика Свободу, будет осторожно отходить от СССР. Сталин не посмел подавить оружием "изменника" Тито, Хрущев не посмел выступить против Китая и Албании, а тем более Брежнев не посмел выступить против Румынии и Чехословакии. Речь германского министра иностранных дел Брандта о возможном приговоре с Польшей признания новой границы по рекам Одер-Нейссе ставит в трудное положение Гомулку, который пока всецело верен СССР именно для гарантии западной границы от германских притязаний и ради этого прибегает к зверскому избитию студентов, при котором гибнет под палками "дружинников" беременная студентка Янина Бжоза, ее подруга Мария Баранецкая умирает через сутки в госпитале.

Предполагаю, что это выступление Брежнева предвещает или новые процессы в Москве или внесудебные расправы.

23-го марта умер известный советский поэт Илья Львович Сельвинский. Родившись в зажиточной еврейской семье в Евпатории в 1899 г., он 16-летним гимназистом поместил свои первые стихи в местной газете. Три года спустя Сельвинский вступил в Красную Гвардию, терроризировавшую Евпаторию. С установлением твердой власти при ген. Врангеле бежал из Крыма, куда вернулся с советскими войсками. После эвакуации Белых поехал учиться в Москву, где в 1923 г. кончил факультет Общественных Наук. С 1926 года руководит группой "поэтов-конструктивистов" и в 1927 г. публикует первую большую поэму "Улялеушина", воспевавшую гражданскую войну. Через год выходит вторая поэма "Пушторг". В следующем году театр Мейерхольда ставит его трагедию "Командарм Второй". С тех пор Мейерхольда и Сельвинского связывает тесная дружба. Сельвинского спасло от гибели вместе с Мейерхольдом участие в полярной экспедиции. В годы ежовщины он больше занят полярными экспедициями, чем поэтической деятельностью, но в годы Мировой войны снова выплывает на советском Олимпе. После ряда лирических стихов он печатает в 1944 г. стихотворную трагедию "Ливонская война". Заметим, что не очень симпатизировавший коммунизму в сталинской форме поэт только в 1941 г. вступил в

партию, как другие еврейские родом поэты (Вера Инбер), увидав в Сталине защитника еврейства от гитлеризма. После войны выходит сборник его военных поэм и стихов "Баллада о ленинизме", "Я это видел", "Хаджи-Мухка", трагедии "Рыцарь Иоанн", "Орла на плече носящий". Одновременно появляются в газетах его призывы к миру и разоружению. Сельвинский печатает героическую поэму "От Голтавы до Гангута", воспевавшую Петра Великого. Затем, тоже в 1952 г. появляется "философская" поэма в стихах "Читая Фауста". Далее "Начало эры: большой Кирилл", воспевавшую начало революции. Отметим еще сборники: "Лирика и драма" (1947 г.) и "Сборник трагедий" (1952 г.). В последние годы жизни он почти ничего не писал, кроме изредка появлявшихся в газетах стихов. Стихи Сельвинского очень разнообразны по форме от частушек сказочного папева до сонета.

В среду 27-го марта при тренировочном полете погибли первый космонавт Юрий Алексеевич Гагарин и командующий отрядом космонавтов полковник авиации, Герой Советского Союза Владимир Сергеевич Сегрин. Напомню известные из западной печати детали катастрофы, как ее передают советские официальные источники. Для тренировки Гагарина в пилотировании обычного самолета полковник Сегрин, имеющий репутацию одного из самых опытных пилотов в СССР (совершил без единой аварии за прошлую войну свыше 400 вылетов под огнем противника и заслужил множество боевых наград) сопровождал его в полете из аэродрома Звездного Горodka, где проживают под Москвой пилоты, в северо-восточном направлении. Перед вылетом их приветствовали пожеланиями счастливого пути Попович, Леонов и Беляев. В 10 часов утра самолет поднялся и проделал все предписанные эволюции над районом Киржача Владимирской области. Затем Гагарин, правивший все время самолетом, сообщил: "Задание выполнено. Приземляюсь" и начал спускаться с высоты 4-х тысяч метров. Это были его последние слова. На контрольной доске видно было, как самолет стал быстро спускаться, не отвечая больше на сигналы. Видно было, как он ныривал и Гагарин тщетно пытался им управлять. Поднялись навстречу вертолеты и один из них обнаружил остатки сгоревшего при падении самолета на дугу вблизи селения Старосельское Киржачского района.

Причины катастрофы при двух столь опытных пилотах, которые не смогли выбраться на парашютах, до сих пор неясны: уверяют, что они не хотели покинуть несущегося к земле самолета, чтобы не дать ему упасть на жилые строения, что вызвало бы жертвы среди обитателей, но эта версия отпадает, ибо самолет падал в стороне от населенных пунктов.

Радио сообщило о катастрофе и назначении двух правительственных комиссий: по выяснению обстоятельств катастрофы и по организации похорон. Последнюю возглавил секретарь ЦК и член политбюро А. П. Кириленко.

Тела обоих летчиков были настолько обезображены (превратились в обуглившиеся полускелеты), что их немедленно предали кремации; в доме Советской Армии урны были выставлены по обычаю в гробах, но на этот раз закрытых. Обычно для прощания покойников в зале выставляют в открытых гробах. Похороны и прощанье в зале носили массовый и торжественный характер. В первом почетном карауле стояли Брежнев, Косыгин и Подгорный. Обратило на себя внимание отсутствие Суслова, о котором говорили, что он тяжело болен обостренным своего туберкулезного процесса в легких. У гробов плакали обе вдовы с детьми. Гагарину утешали и поддерживали Терешкова, Николаева и Леонов. По словам коммунистической печати Брежнев, обнимая и целуя Гагарину, сам прослезился. За сутки перед гробами прошло свыше миллиона москвичей.

Командующий экипажем космонавтов генерал-лейтенант авиации Николай Иванович Каманин дал по телевизору сбивчивые объяснения: самолет вылетел в 10 часов 19 минут утра, правильно выполнил все маневры, но затем что-то случилось с мотором и он стал быстро падать, хотя Гагарин очевидно пытался его выправить. Он ударил в

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

«НАША СТРАНА»

Нам пишут из Нью-Йорка:

«Новое Русское Слово» сообщает, что в Израиле начала выходить на русском языке еженедельная газета, назвавшая себя «Нашей Страной». Существовавший до прошлого года военный столкновения между Израилем и арабскими государствами ежемесячный журнал «Шалом», также печатавшийся по-русски прекратился после этого столкновения.

Об израильской «Нашей Стране» в информации «Нового Русского Слова» сказано: «Потребность в русской газете в Израиле назрела давно. За последние годы из СССР удалось выехать в Израиль некоторому количеству советских евреев... но приехавшие, не знающие иврита, были лишены всякой информации... В Израиле десятки тысяч людей говорят и читают по-русски и «Наша Страна» имеет достаточное количество читателей».

К. В. ДЕНИКИНА

Нам пишут из Нью Йорка:

К. В. Деникина, вдова генерала А. И. Деникина, подверглась ограблению.

Ограбление произошло среди белого дня, после полудня. К. В. Деникина вошла в лифт вместе с двумя другими жильцами дома. Одновременно в тот же лифт вошел молодой негр. Когда находившиеся в лифте дамы, кроме К. В. Деникиной, вышли из него на одном из этажей, а К. В. Деникина и негр стали подниматься на следующий, негр ударил К. В. Деникину, схватил ее сумку и выбежал из лифта, как только тот остановился.

НОВОДИВЕЕВСКИ МОНАСТЫРЬ

Нам пишут из Нью Йорка:

Основанный протопресвитером Адрианом Рымаренко, ныне епископом Рокландским Андреем, Успенский женский монастырь Новодивеево в окрестностях Нью Йорка, ставший за последние 15 лет самым значительным русским церковным центром в этих окрестностях, неожиданно оказался под угрозой отчуждения принадлежащей ему земли, на которой, кроме храма и обители, существуют старческий дом и большое кладбище, уже насчитывающее свыше тысячи погребений.

Причиной этой угрозы стало желание учреждения, ведающего всеми видами транспорта в Нью Йорке и в его окрестностях, расширить за счет монастырской земельной собственности существующий рядом с монастырем небольшой частный аэродром и превратить его в государственный для разгрузки других аэропортов, существующих в черте города.

Это намерение взволновало русских эмигрантов в Нью Йорке и ближайших к нему городах. Для защиты интересов

землю под углом 65 градусов, т. е. не вертикально и сразу сгорел. Остатки самолета разбросаны на опушке леса.

30 марта состоялись похороны по обычному советскому ритуалу. Урны вынесены из Дома Советской Армии и установлены на броневике, за которым следовали семьи погибших, окруженные космонавтами, к которым присоединился прилетевший с международной конференции в Риме космонавт Герман Степанович Титов. Рядом шли члены политбюро и секретариата ЦК за ними маршалы и генералы. На трибуну на Красной площади поднялись власти и семьи погибших. Речи произнесли Кириленко, президент Академии Наук М. В. Келдыш, космонавт Николаев и подполковник авиации Абрамычев, помощник погибшего полковника Серегина.

Затем урны перенесены к стене и Кириленко установил их в нишах рядом с теми, в которых находятся урны Главного Конструктора С. П. Королева и погибшего 10 месяцев тому назад космонавта Комарова. Под артиллерийский салют обе ниши закрыты памятными досками с указанием имени, отчества и фамилии и дат рождения и смерти. Имя первого космонавта останется

Советский быт

МОЛОДАЯ СОВЕТСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Новые идейные течения.

(КРС) Как неоднократно указывали советские газеты, в настоящее время ¾ населения Советского Союза — это люди, родившиеся уже при советской власти, причем 60 миллионов советских граждан родились уже после Второй Мировой войны. По официальным советским данным, 40% всех работающих в народном хозяйстве страны составляют люди, не достигшие еще тридцатилетнего возраста. Другими словами, молодые люди, родители которых родились, выросли и воспитывались при советской власти, начинают играть теперь весьма значительную роль в общественной жизни страны. Партийная печать заверяет, что все эти молодые люди — представители «нового коммунистического поколения». Но те же самые советские газеты вынуждены все же признать, что именно среди молодых советских людей чаще всего возникают новые идейные течения, именно от них можно слышать открытые критические высказывания по поводу официального партийного мировоззрения — марксизма-ленинизма.

Как указывают западные журналисты, это критическое отношение к коммунистическому мировоззрению особенно ярко стало проявляться в среде молодой научной и творческой интеллигенции. Среди этой прослойки советского общества все время ведутся неустан-

монастыря учрежден Комитет, председателем которого состоит д-р Г. Ламзак, а членами — д-р Н. Зарудский, П. Красник, О. Родзянко и С. Рымаренко.

ВАТИКАН И МАСОНЫ

Нам пишут из Рима:

Ватикан опровергает сообщения европейской и американской прессы об изменении его отношения к масонству шотландского обряда. По словам этих газет и некоторых руководителей масонства в Англии и в Соединенных Штатах, Ватикан якобы отменил прежние постановления Католической Церкви, каравшие отлучением от Причастия тех католиков, которые становятся масонами. Эти постановления остаются в силе, как по отношению к масонским ломам Великого Востока, так и по отношению к ломам шотландского обряда.

АРХИМАНДРИТ АНТОНИЙ

Нам пишут из Нью Йорка:

Архиерейский Синод Русской Зарубежной Церкви командировал в Иерусалим архимандрита Антония (Габбе), занимающего должности директора Свято-Сергиевской гимназии и Американского Института Славяноведения в Нью Йорке.

Поездка архимандрита Антония во Святую Землю не связана с этими учебными заведениями, но с вопросами, входящими в круг деятельности русской духовной миссии в Палестине.

бессмертным в истории России и переживет тот режим при котором он совершил первый выход человека в неведомый и раньше недоступный космос.

Мы напомним нашим читателям благородные слова Великого Князя Владимира Кирилловича в Его Обращении от 25 декабря 1967 г. (см. Нашу Страну № 932 от 26 декабря 1967 г. стр. 1):

«Мы радуемся исключительно техническим достижениям покрывшим славу русское имя, среди которых гордимся полетами в космос как Юрия Гагарина, так и других русских смельчаков, хотя я уверен, что эти достижения имели бы место также и в Императорской России».

Преклоняя головы перед памятью Юрия Гагарина при этих словах Главы Императорского Дома, мы, народные монархисты, выражаем нашу непоколебимую уверенность в то, что успехи, достигаемые русскими подсоветскими людьми как в освоении космоса, так и во всех других отраслях науки, техники и всех видов национального русского искусства в конечном счете являются славой, прекратил свое существование после этого столкновения.

Алексей Ростов

ные, порой мучительные, поиски новых духовных идеалов, возникают новые идейные течения, которые в свою очередь способствуют образованию независимого от компартии общественного мнения.

Следует при этом отметить — указывают западные журналисты, — что эти поиски новых идеалов тесно переплетаются с решительной критикой прошлого советского строя. Представители молодой советской интеллигенции в первую очередь критикуют недостойное поведение старых членов партии в годы «культы личности», требуют объективного объяснения причин военных поражений в первые месяцы Отечественной войны, активно выступают за право иметь свое собственное мнение.

Эти умонастроения молодой советской интеллигенции не могли не вызвать чувства тревоги у советских партийных руководителей. Так, в газете «Советская Россия» от 27-го января этого года была опубликована пространная статья главного редактора «Литературной газеты» Чаковского о воспитательной работе среди советской молодежи. В основу этой статьи легло выступление автора на «Всероссийском совещании работников культуры». Чаковский, в частности, пишет:

«Объект нашей воспитательной работы — люди шестидесятых годов. Их мироощущение, их радости и тревоги сложились под влиянием многих характерных для нашего времени факторов. Да, эти люди преданы великой коммунистической партии и верят ей. Но нельзя забывать, что многие из них молды. Они не прошли школы политической борьбы подобно их отцам и старшим братьям. Решая конкретные задачи коммунистического воспитания, мы не имеем права забывать и о том, что наши зарубежные враги ведут борьбу за души людей, особенно молодых и с чудовищной хитростью и лицемерием каждый день обрушивают на них свои мутные радиоволны».

Касаясь молодой советской интеллигенции, Чаковский пишет, что «ее безоговорочный негативный подход к цели перлюстрации советской истории является «вредной, неоправданной тенденцией».

По мнению западных журналистов, уже тот факт, что газета «Свободная Россия» сочла нужным напечатать выступление Чаковского на «Всероссийском совещании работников культуры» говорит о том, что советские партийные круги все же весьма встревожены настроением молодой советской интеллигенции.

Вот что пишет об идейных течениях среди советской интеллигенции и молодежи сотрудник западногерманского журнала «Politische Studien» Йохим Георг Герлинг:

«События последних лет в Советском Союзе говорят о том, что кратковременная политическая «оттепель» в 1956 году продолжает оказывать громадное влияние на современную советскую молодежь. Статьи, опубликованные за последнее время в советских газетах, в которых партийное руководство призывает советскую молодежь быть бдительной по отношению к «идеологической диверсии» с Запада, как бы еще раз подтверждают, что воспитательная работа КГБ и Комсомола среди молодой советской интеллигенции все же не дала ожидаемых результатов. Ни для кого теперь не секрет, что революция в Венгрии в 1956 году вызвала среди советских студентов не только волну симпатий к венгерскому народу, но и протесты против вмешательства советского правительства во внутренние дела братской социалистической страны. В период с 56-го по 57-ой год, в связи с волнениями среди ленинградских студентов, из одного только Ленинградского университета за, так называемые, «антисоветские выступления» было исключено свыше четырех тысяч учащихся. Более десяти тысяч молодых москвичей — среди них много студентов и представителей русской творческой интеллигенции — под предлогом того, что они, якобы, являются «антисоциальными элементами», были высланы в провинцию.

Но все эти административные и полицейские мероприятия против русской молодежи оказались своего рода «бумерангом», который больно ударил по их организаторам — советским партийным руководителям. Прибыв в провинцию, молодые люди сразу же нашли общий язык с представителями местной интеллигенции и с удвоенной энергией стали

Суд над коммунизмом

При всякой борьбе необходимо выяснять основные свойства врага и изучать его слабые и сильные стороны.

Самым страшным врагом человечества в течение последних 50 лет является коммунизм. Всюду, где только он ни появляется, он приносит с собой всяческие беды и невзгоды, — тяжелый труд, тяжелые условия жизни, лживые обещания, преследование религии, разрушение храмов Божиих, насилие, террор и пр.

Конечно, с коммунизмом велась, и сейчас ведется, борьба различными антикоммунистическими организациями и отдельными государствами. Но борьба эта была малоуспешной по той причине, что антибольшевики, как правило, плохо знали своего врага — коммунизм и его творцов коммунистов.

Недавно, однако, «Молодые Американцы за свободу» и католический журнал «Твин Сэркл» организовали «Суд Общественности над Мировым Коммунизмом», который длился три дня в большой аудитории университета Джордтаун в Вашингтоне. Большое помещение было переполнено публикой, выступали многочисленные свидетели, лично испытавшие на собственном опыте ужасы бесчеловечного марксизма-коммунизма.

В конце марта должна была быть опубликована брошюра на 24-х страницах с описанием происшедшего судебного процесса, в будущем же предполагается создание документального фильма и показ его многим миллионам людей, которые смогут увидеть подлинную сущность изуверского учения пророков построения «рая» на земле.

Можно надеяться, что истинные патриоты США, не ограничатся только отмеченными деяниями, а будут продолжать разоблачать всю лживость и порочность мирового коммунизма, что, несомненно, сделает борьбу с ним более эффективной. Этому будет содействовать и то, что идеи изувера Карла Маркса и страдавшего от «нехорошей» болезни Ленина уже значительно выдохлись и осточертели даже многим коммунистам. Свидетельством этому являются происходящие сейчас события в Чехословакии. Польше и в других странах «народных демократий».

Все истинные антибольшевики и особенно редакторы и сотрудники эмигрантских газет и журналов должны уделить самое серьезное внимание суду над коммунизмом и связанным с ним проблемам.

Сергей П.

ЗУБНОЙ ВРАЧ

Doctora

A. B. НИКИТИНА-ЧУЧУВАДЗЕ
Revalida de Universidad Bs. Aires,
Facultad de Odontología
Endodoncia — лечение корней зубов,
технические работы, рентгеновские
снимки, бор-машина ultra-sonico.

Прием по предварительной записи.
Понед., вторник, четверг и пятница
от 15 до 20 час.

T. E. 88-0431. PANAMA 914, p. 5, A
Один квартал от подземной жел. дор.
Rio de Janeiro по улице Corrientes.

бороться за право иметь свое собственное мнение».

Как указывает Йохим Георг Герлинг, молодая советская интеллигенция из-за отсутствия в советской печати правдивой информации о событиях на Западе продолжает проявлять острый интерес к передачам западных радиостанций. Многие из них с помощью самодельных радио-передатчиков передают услышанные ими радионформации и новости дальше в эфир. Уже в 1964 году «Литературная газета» писала о том, что в одном только городе Бела Церковь было обнаружено около двухсот, так называемых, «радионарушителей», которые занимались «нелегальными радио-передачами». Советская печать все чаще и чаще пишет об угрожающих анонимных письмах, полученных редакциями центральных газет, о случаях срыва общественных собраний, об успешной работе отдельных религиозных сект, об изъятии подпольной религиозной литературы.

ПРОТЕСТЫ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Протесты против советского беззакония продолжают проникать на Запад. В своих письмах в высшие партийные, правительственные и судебные органы подсоветские граждане протестуют против произвола КГБ, против пристрастия судей и против незаконных, не соответствующих фактической вине осужденных приговоров. Все письма тайным образом попавшие на Запад и подписанные, повидимому, подлинными именами их авторов, а некоторые снабжены также и их адресами. Уже в течение нескольких месяцев все новые и новые документы проникают из Советского Союза на Запад. Проверить их подлинность совершенно невозможно, но их появление расценивается западными газетами как симптом некоей фрондирующей настроенности в среде подсоветской молодой интеллигенции. В эмигрантских кругах эти протесты, как и предшествовавшие им процессы, принимаются с недоверием и в некоторых случаях холодно и даже враждебно. Происходит это недоверие отчасти благодаря создавшемуся представлению, что в СССР никакие протесты не возможны вообще, а главным образом потому, что попадающие на Запад документы подписаны левыми, крайне левыми и даже коммунистическими лицами и содержат не критику основ советского строя и правопорядка, а лишь частичных его нарушений. Во всяком случае, независимо от их происхождения и от идеологии их составителей протесты приносят пользу антикоммунистическому делу, ибо всегда с интересом подхватываемые западной прессой напоминают западному обывателю весьма неприглядную действительность коммунизма. Приводимые сегодня протесты были опубликованы в разных органах иностранной печати.

ПРОТЕСТ МАТЕМАТИКОВ

Письмо, в котором 99 подсоветских математиков протестуют против заключения в психиатрическую больницу известного математика и поэта Александра Есенина-Вольпина, адресовано министру Здравоохранения СССР и генеральному прокурору СССР. Есенин-

Вольпин принадлежит к группе представителей молодой подсоветской интеллигенции, протестовавшей против суда над литераторами Галансковым, Гинзбургом и другими и был заключен в психиатрическую больницу вскоре после окончания январского процесса. Приводим текст письма подсоветских математиков.

«Нам стало известно, что крупный советский математик, известный специалист в области математической логики Александр Сергеевич Есенин-Вольпин был насильственно без предварительного медицинского обследования, без ведома и согласия родных, помещен в психиатрическую больницу № 5, станция Столбовая, 70 километров от Москвы.

Насильственное помещение в больницу для тяжелых психических больных талантливого и вполне работоспособного математика, условия, в которые он по самому характеру этой больницы попал, тяжело травмируют его психику, вредят здоровью и унижают человеческое достоинство.

Исходя из гуманных целей нашего законодательства, и тем более здравоохранения, мы считаем этот факт грубым нарушением медицинских и правовых норм.

Мы просим срочно вмешаться и принять меры для того, чтобы наш коллега мог работать в нормальных условиях».

Подписали: действительный член Академии Наук СССР, лауреат Ленинской премии П. С. Новиков; лауреат Ленинской и государственной премии член-корреспондент Академии Наук СССР И. М. Гельфанд; член-корреспондент Академии Наук и лауреат государственной премии Л. Люстерник; член-корреспондент Академии Наук СССР Андрей Марков; член-корреспондент и лауреат государственной премии Дмитрий Меньшов; член-корреспондент Академии Наук СССР, лауреат Ленинской премии С. П. Новиков; член-корреспондент Академии Наук СССР, лауреат Ленинской премии И. Р. Шафаревич; лауреат Ленинской премии, профессор, доктор физики и математики Валдим Арнольд; лауреат Ленинской премии, профессор, до-

• ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН В СССР

8-го марта с. г. в Советском Союзе широко отмечался международный Женский день. В Москве состоялось торжественное собрание. Центральные газеты на первых страницах поместили праздничное обращение партии и правительства к советским женщинам. Радио и телевидение посвятили им многочисленные передачи. Но в общем потоке казенного красноречия не прозвучало даже намека на то, собираются ли партия и правительство облегчить крайне тяжелое положение подсоветских женщин. В СССР уже давно дискутируются вопросы об облегчении труда женщин, но до сих пор без каких-либо положительных разрешений.

Вот некоторые из требований, извлеченные из советских газет, предъявляемые подсоветскими женщинами правительству СССР:

Повысить оплату труда рабочих и служащих до такого размера, чтобы женщина, имеющая маленьких детей,

не должна была бы работать вне дома по необходимости.

Издать закон, запрещающий привлекать женщин к тяжелой физической работе и представляющий им преимущественное право на более легкую работу.

Сократить рабочий день для женщин, имеющих детей до четырнадцати летнего возраста, с сохранением полной оплаты.

Значительно увеличить количество детских садов и яслей. Открыть при заводах и фабриках магазины и парикмахерские, широко организовать в магазинах прием предварительных заказов на продукты и другие товары. Значительно расширить сеть прачечных, различных мастерских, химчисток.

Повысить пособия на детей. Установить, чтобы пособия выплачивали, начиная со второго ребенка и вплоть до его совершеннолетия.

Отменить закон от 8-го июня 1944 года, разделяющий детей на законнорожденных и внебрачных. Уничтожить неравноправие женщин в браке. Облегчить разводы.

ктор физико-математических наук Анатолий Итюшкин; лауреат государственной премии, профессор, доктор физико-математических наук Александр Кронрод; лауреат Ленинской премии, доктор физико-математических наук Юрий Маннин; лауреат государственной премии, профессор, доктор физико-математических наук Н. М. Мэйман.

Далее следуют подписи еще 87-ми профессоров, докторов и кандидатов физико-математических наук, научных сотрудников и инженеров.

На этот раз советские власти не обошли протест молчанием. Московское радио на днях в одной из своих передач на английском языке передало текст письма, которое оно, якобы, получило от 15-ти советских математиков, находившихся в числе лиц подписавших протест против заключения Есенина-Вольпина. В своей передаче 25-го марта московское радио сообщило следующее (даем в обратном переводе):

«Недавно американские газеты, в том числе "Нью-Йорк Таймс" опубликовали письмо, полученное, по их словам, от группы профессоров Московского Университета в связи с помещением математика Есенина-Вольпина в психиатрическую больницу.

Американские газеты явно попытались нажать на этом политический капитал. Радио-Москва сегодня получило письмо от профессоров московского университета, которые упоминались газетой "Нью-Йорк Таймс". Передаем полный текст этого письма.

«Некоторое время тому назад мы, профессора математики Московского университета, подписали письмо в связи с помещением Есенина-Вольпина в психиатрическую больницу. Письмо было адресовано советским медицинским и судебным инстанциям, и выражало наше беспокойство по поводу условий, в которых содержится Есенин-Вольпин, а также по поводу того, что его помещение в лечебницу не было предваритель-

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДЕЛ

Юрий Казаков родился в Москве в 1928 году. Окончив Литературный Институт им. Горького, он вскоре начал печататься в различных журналах. В 1959 году вышел его первый сборник рассказов "На полустанке", сразу привлечший к себе внимание читателей и критики. В последние годы вышли "Северный дневник", "По дороге", "Голубое и зеленое" и "Двое в декабре".

Рассказы Казакова отличаются своим глубоким лиризмом, стилистической отточенностью и чистотой языка. Они привлекают отсутствием как всяких "советизмов", так и партийной направленности. Мало того, в некоторых произведениях Казакова, как в помещаемом в этом номере "Нашей Страны" рассказе "Кабинасы" проступает определенно антисоветская тенденция.

Наряду с В. Солоухиным Казаков неоднократно выступал в печати в защиту памятников русской старины, варварски разрушаемых большевиками. Казаков был также одним из писателей, подписавших протест по поводу осуждения Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой.

Творчество и деятельность Юрия Казакова обрисовывает нам облик не советского, а русского талантливого и мужественного писателя.

ЮРИЙ КАЗАКОВ

КАБИАСЫ

Заведующий клубом Жуков слишком задержался в соседнем колхозе. Дело было в августе. Жуков приехал по делам еще днем, побывал везде и везде поговорил, хотя и неудачный был для него день, все как-то торопились: горячая была пора.

Жуков, совсем молоденький парнишка, в клубе еще и году не работал и был поэтому горяч и активен. Родом он был из Зубатова, большого села, а жил теперь в Дубках, в маленькой комнатке при клубе.

Было бы ему сразу ехать домой, и машина на Дубки шла, но он раздумался и пошел к знакомому учителю, хотел поговорить о культурном. Учитель оказался на охоте, должен был давно вернуться, но что-то запаздывал, и Жуков стал его уныло ждать, понимая уже, что все это глупость и надо было ехать.

Так он и просидел часа два покуривая в окошко и вяло переговариваясь с хозяйкой. Он даже задремал было, но его разбудили голоса на улице: гнали стадо, и бабы скликали коров.

Наконец ждать не стало смысла, и Жуков, разозленный на неудачу, выпив на дорогу кислого квасу, от которого тотчас стали скрипеть зубы, пошел к себе в колхоз. А идти было двенадцать километров.

Старика Матвея, ночного сторожа, Жуков догнал на мосту. Тот стоял в драной зимней шапке, в затертом полушубке, широко расставив ноги, придерживая локтем ружье, заклеивал папиросу и смотрел исподлобья на подходившего Жукова.

— А, Матвей! — узнал его Жуков, хоть и видел всего раза два. — Что, тоже на охоту?

Матвей, не отвечая, медленно пошел, скося глаза на папиросу, достал из-под полы спички, закурил, дохнул несколько раз и закашлялся. Потом, царапая ногтями полу полушубка, спрятал спички и тогда только сказал:

— Какое на охоту! Сад стерегу ночью. В салаше.

У Жукова от кваса все еще была оскомина во рту. Он сплюнул и тоже закурил.

— Спишь небось всю ночь, — сказал он рассеянно, думая, что зря не уехал давеча, когда была машина а теперь вот надо идти.

— Как бы не так — спишь! — помолчав, значительно возразил Матвей, — И спал бы, да не дают...

— А что, воруют? — иронически поинтересовался Жуков.

— Ну, воруют! — усмехнулся Матвей и пошел вдруг как-то свободнее, как-то осел и вроде бы отвалился назад, как человек, долго стесняемый, вышедший, наконец, на простор. На Жукова он не взглянул ни разу, а смотрел все по сторонам, по сумеречным полям. — Воровать не воруют, браток, а приходят...

— Ну? Девки, что ли? — спросил Жуков и засмеялся, вспомнив Любку и что сегодня он ее увидит.

— А эти самые... — невнятно сказал Матвей.

— Вот дед! Тянет резину! — Жуков сплюнул. — Да кто?

— Кабинасы, вот кто, — загадочно выговорил Матвей и покосился впервые на Жукова...

— Ну, повез! — насмешливо сказал Жуков. — Бабке своей расскажи. Какие такие кабинасы?

— А вот такие, — сумрачно ответил Матвей. — Попадешь к им, тогда узнаешь.

— Черти, что ли? — делая серьезное лицо, спросил Жуков.

Матвей опять покосился на него.

— Такие, — неопределенно буркнул он. — Черные. Которые с зеленой. Он вынул из кармана два медных патрона и сдун с них махорочный сор.

— Вот глянь, — сказал он, показывая бумажные пыжи в патронах.

Жуков посмотрел и увидел нацарапанные чернильным карандашом кресты на пыжах.

— Наговоренные! — с удовольствием сказал Матвей, пряча патроны. — Я с ими знаю как!

— А что пристают? — насмешливо спросил Жуков, но, спохватившись, опять сделал серьезное лицо, чтобы показать, что верит.

— Не так чтобы дуже, — серьезно ответил Матвей. — К салашу не подходят. А так... выйдут, значит, из темн один за одним, под яблоней соберутся, суршат, брякочут, махонькие такие, станут так вот рядком... — Матвей опустил глаза на дорогу и повел перед собой рукой. — Станут и песни заиграют.

— Песни? — Жуков не выдержал и прыснул. — Да у тебя не похуже, чем у нас в клубе, — самодеятельность! Какие песни-то?

— А так, разные... Другой раз дуже жалостно. А потом и говорят: "Матвей, а Матвей! Подь сюды! Подь сюды!"

— А ты?

— А я им: "Ах вы, под такую мать!.. Брысь отседа!"

Матвей любовно усмехнулся.

— Ну, тогда они начинают к салашу подбираться, а я сейчас наговоренный патрон заряду да кэ-эк ахну!..

— Попадаешь?

— Попадаешь! — презрительно выговорил Матвей. — Нячистую силу рази убьешь? Так, разгону маленько до утра, до первого петуха...

но согласовано с его близкими. Позднее, мы были рады услышать, что он переведен в другую лечебницу, более подходящую к его случаю. В то же время мы с глубоким возмущением узнали, что наше письмо попало в руки лиц, которым оно не было адресовано, и что оно было опубликовано некоторыми зарубежными газетами и передавалось зарубежными радиостанциями.

К сожалению, зарубежная печать и радио не отметили того факта, который нам давно известен, а именно, что Есенин-Вольпин уже много лет находится под наблюдением психиатров и не раз помещался в психиатрические лечебницы. Эта попытка исказить истинное значение нашего письма, которое было вызвано нашим беспокойством за своего коллегу — большого человека, но способного математика, не может не вызвать у нас возмущения».

Письмо, по словам московского радио, подписали профессор Курош, доктор физико-математических наук; члены корреспонденты Академии Наук СССР Люстерник и Меньшов и 12 других профессоров московского университета.

Отметим, что протест против заключения Александра Есенина-Вольпина был подписан 99-ю математиками Советского Союза, а не только теми 15-ю, от имени которых выступило московское радио.

ПРОТЕСТ ИЗ НОВОСИБИРСКА

На Западе получен текст письма 45-ти научных работников города Новосибирска, требующих пересмотра дела Гинзбурга, Галанскова и других осужденных литераторов. Письмо направлено в Верховный суд СССР, Генеральному прокурору СССР Руденко. Копии по-

● ОРГАНИЗАЦИЯ «МАНО»

Агентство АФР известило, что вечером 18-го апреля коммунистическими элементами был убит Рауль Лоренсано, возглавитель гватемальской аниткоммунистической организации «Мано» («Рука»). Организация «Мано», названная агентством «ультраправой» ведет настоящие бои с коммунистическими организациями Гватемалы.

сланы председателю президиума Верховного Совета СССР Подгорному, Генеральному секретарю ЦК КПСС Брежневу, Председателю Совета Министров СССР Косыгину и в редакцию «Комсомольской правды». Приводим текст этого письма:

«Отсутствие в наших газетах сколько-либо связной информации о существовании и ходе процесса Александра Гинзбурга, Юрия Галанскова, Алексея Добровольского и Веры Лашковой, осужденных по статье 70-й Уголовного Кодекса РСФСР, насторожило нас и заставило искать информацию в других источниках — в иностранных коммунистических газетах.

То, что нам удалось узнать, вызвало у нас сомнения в том, что этот политический процесс проводился с соблюдением всех предусмотренных законом норм, например, такой, как принцип гласности. Это вызывает тревогу.

Чувство гражданской ответственности заставляет нас самым решительным образом заявить, что проведение фактически закрытых политических процессов мы считаем недопустимым. Нас тревожит то, что за практически закрытыми дверями судебного зала могут совершаться незаконные дела, выносятся необоснованные приговоры — по незаконным обвинениям; мы не можем допустить, чтобы судебный механизм нашего государства снова вышел из-под контроля широкой общественности и снова вверг нашу страну в атмосферу судебного произвола и беззакония. Поэтому мы настаиваем на отмене приговора Московского Городского Суда по делу Гинзбурга, Галанскова, Добровольского и Лашковой и требуем пересмотра этого дела в условиях полной гласности и скрупулезного соблюдения всех правовых норм с обязательной публикацией материалов в печати. Мы требуем также привлечения к ответственности лиц, виновных в нарушении гласности и гарантированных законом норм судопроизводства.

12 февраля 1968 г., Новосибирск».

Далее следуют подписи 45 научных работников Новосибирска.

ПИСЬМО СТА СЕМИДЕСЯТИ

Генеральному прокурору СССР Руденко. В Верховный суд РСФСР.

● ПРОТЕСТЫ АМЕРИКАНСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Непрестанно увеличивается количество протестов зарубежной общественности против состоявшегося недавно в Москве судебного процесса над молодыми подсоветскими писателями Гинзбургом, Галансковым, Добровольским и Лашковой.

Группа представителей культуры Соединенных Штатов направила Генеральному Секретарю ЦК КПСС Брежневу письмо, в котором указывается, что долгое заключение обвиняемых до начала судебного процесса, проведение процесса при закрытых дверях и вынесение суровых приговоров — свидетельства грубых нарушений советской законности. Авторы письма требуют проведения нового процесса, с полным соблюдением всех процессуальных норм. Большинство лиц, подписавших протест — лидеры движения против американской политики во Вьетнаме.

Постоянный представитель Соединенных Штатов при ООН Гольдберг, выступая на заседании комиссии по правам человека, обвинил советское правительство в том, что оно нарушает свободу слова, подвергая заключению представителей интеллигенции и писателей за критику правительства. Гольдберг указал, что в настоящее время в СССР наблюдается произвол в отношении личной свободы советских граждан.

Копии: Председателю президиума Верховного Совета СССР Подгорному.

Председателю Совета министров СССР Косыгину.

Генеральному Секретарю ЦК КПСС Брежневу.

Адвокатам Арни, Золотухину, Каминской, Швейскому.

Мы ознакомились с письмом Лариссы Богораз и Павла Литвинова относительно судебного процесса над Юрием Галансковым, Александром Гинзбургом, Алексеем Добровольским и Верой Лашковой. Мы полностью присоединяемся к авторам письма и считаем своим долгом заявить следующее:

Из того, что мы знаем об этом процессе, нам стало ясно, что он проводился с грубым нарушением правовых норм.

Процесс, объявленный открытым, фактически проходил при закрытых дверях. В зал выпускали по особым пропускам публику, специально подобранную с тем, чтобы создать моральную изоляцию подсудимых. Шум и крики этой публики, оскорбления в адрес подсудимых и свидетелей, издевательства над родственниками, — все это должно было создать впечатление «общественного негодования».

В то же время ни один из друзей подсудимых, ни один представитель общественности, заинтересованный в беспристрастном судебном разбирательстве, не был допущен на процесс. Те, кто изо дня в день собирались у здания суда в надежде что-то узнать о ходе процесса, подвергались грубому обращению и провокациям со стороны дружинников, милиции и неизвестных лиц в штатском. Всех присутствующих многократно фотографировали, а их разговоры постоянно подслушивались.

Свидетелей, сразу после дачи ими показаний, грубо выставляли из зала, хотя по закону они обязаны оставаться там до конца судебного следствия.

Многочисленные факты указывают также на то, что сам процесс носил откровенно тенденциозный характер. Суд с самого начала стал на сторону обвинения. Вопросы адвокатов нередко снимались, как, якобы, не имеющие отношения к делу, от адвокатов и подсудимых требовали строго придерживаться рамок обвинительного заключения, не разрешая использовать материалы всего дела, — прокурору же был предоставлен полный простор. Поскольку никто из свидетелей не поддержал основные пункты обвинения, допрос свидетелей превратили в пустую формальность: двадцать пять свидетелей были допрошены в течение одного дня, свидетелей обрывали на половине фразы, им не давали делать заявления суду. Совершенно неожиданно свидетелем по этому делу был привлечен Николай Брок Соколов, показания которого не имеют никакого отношения к делу. По-видимому, делался расчет на то, что само его присутствие на процессе дезориентирует общественность.

— Да! — помолчал, сказал Жуков и вздохнул. — Плохо, плохо!

— Кого? — спросил Матвей.

— Плохо у меня дело с атеистической пропагандой поставлено, вот что! — сказал Жуков и поморщился, оглядывая Матвея. — Небось и по деревне брешешь, девок пугаешь? — строго спросил он, вспомнив вдруг, что он заведующий клубом. — Кабиасы! Сам ты кабиасы!

— Кого? — опять спросил Матвей, и лицо его вдруг стало злобно и внушительно. — А вот мимо лесу пойдешь?

— Ну? И пойду!

— Пойдешь, так гляди — навряд домой придешь. Они тебя пирянут.

Матвей отвернулся, ничего более не сказав, не простившись, быстро пошел по полю к темневшему вдали саду. Даже в фигуре его видна была сильнейшая озлобленность.

Оставшись один на дороге, Жуков закурил и огляделся. Наступали сумерки, небо на западе поблекло, колхоза сзади почти не стало видно, темнели только кое-где крыши между тополей да торчали антенны телевизоров.

Слева был виден березовый лес. Он уступами уходил к горизонту. Было похоже, будто кто-то по темному начиркал сверху вниз белым карандашом. Сперва редко, подалее — чаще, а в сумерках горизонта провел поперечную робкую светлую полосу.

Слева же видно было и озеро, как впаивное, неподвижно стоявшее вровень с берегами и одно светлевшее на всем темном. На берегу озера горел костер, и на дорогу наносило дым. Падала уже роса, и дым был мокрым.

А справа, в сумрачных лугах и просеках, между темными мысами лесов, с холма на холм шагали решетчатые опорные мачты. Они были похожи на вереницу огромных молчаливых существ, заброшенных к нам из других миров и молча идущих с воздетыми руками на запад, в сторону разгорающейся зеленоватой звезды — их родины.

Жуков опять оглянулся, все еще надеясь, что, может быть, пойдет попутная машина. Потом зашагал по дороге. Он шел и все поглядывал на костер и на озеро. Возле костра никого не было. Не видно было ни души и на озере, и одинокий огонь, неизвестно кем и для чего зажженный, производил странное впечатление.

Жуков шел сначала нерешительно, покуривая, оглядываясь, поджидая машину или попутчика. Но никого не было видно ни спереди, ни сзади до самого горизонта, и Жуков, наконец, решился и зашагал по-настоящему.

Он прошел километра четыре, когда стало совсем темно. Одна только дорога светлела, перебитая кое-где туманом. Ночь наступала теплая. Только когда Жуков попадал в туман, его охватывало холодом. Но потом Жуков опять выходил в теплое, и эти переходы от холодного к теплому были приятны.

«Темный у нас народ!» — думал Жуков. Он шел, сунув руки в карманы, двигал бровями и вспоминал лицо Матвея, какое оно сразу стало злобно и презрительно, когда он посмеялся над ним. «Да, — думал он, — надо, надо усилить атеистическую пропаганду. Суеверия надо искоренять!» И ему еще больше захотелось поговорить с кем-нибудь о культурном, об умном.

Потом он стал думать, что пора бы ему перебраться в город, поступить куда-нибудь учиться. И тут же по своему обыкновенно стал он воображать, как дирижирует хором не в колхозном клубе, где нет даже кулис и где ребята покуривают в зале и пересмеиваются, а в Москве, где хор у него в сто человек — академическая капелла.

Как всегда, от подобных мыслей он почувствовал радостное оживление и уже ничего не замечал кругом, не обращал внимания ни на звезды, ни на до-

рогу, шел неровно, сжимал и разжимал кулаки, двигал бровями, принимался напевать и усмехаться, не боясь, что кто-нибудь увидит его. Он даже рад был, что идет один, без попутчиков. Так он и дошел до пустого сарая близ дороги и сел на бревно отдохнуть и покурить.

Когда-то здесь был хутор, но после укрупнения колхоза хутор снесли, остался один сарай. Сарай был раскрыт и пуст. В нем, кажется, и двери даже не было. Был он темен и скособолен, а в дыре дверей, в глубине его, стояла особенно глухая чернота.

Жуков сидел, поставив локти на высоко поднятые колени, лицом к дороге, спиной к сараю, курил, остывая постепенно, и думал уже не о консерватории, а о Любке, решая, как бы ее, наконец, половчее поцеловать, когда почувствовал, что на него смотрит кто-то сзади.

Он понял вдруг, что сидит во тьме один, среди пустых полей, среди загадочных темных пятен, которые могут быть кустами, а могут быть и не кустами. Он вспомнил Матвея, жестко-вещное лицо его напоследок и пустынное немое озеро с костром, неизвестно для чего зажженным.

Затаив дух, он медленно оборотился и взглянул на сарай. Крыша сарая висела в воздухе, даже звезды были видны в промежуток. Но только он взглянул на нее, как она села на сруб, а за сараем что-то с топотом побежало в поле с заданным однообразным криком: «О!.. О!.. О!..» — все дальше и глуше. Волосы у Жукова поднялись, он вскочил и прыгнул на дорогу.

«Ну! — подумал он. — Пропал!» и ударился по дороге. Воздух загудел у него в ушах, а в кустах по сторонам что-то ломилось, сопело, дышало ему в спину холодом. «Перекреститься надо! — думал Жуков, чувствуя, как пытаются схватить его сзади холодными пальцами, — Господи, в руки твои...» А перекрестившись, остановился, не в силах уже бежать, и обернулся.

Но не было никого на дороге, ни в поле, и сарай не стало видно. Жуков утерся рукавом, не спуская глаз с дороги, и сказал хрипло: «Ха!» — и вздрогнул, испугавшись себя. Потом кашлянул, послушал и опять сказал, стараясь, чтобы не вздрагивал голос:

— Хо! Хо! Эй!..

Отдышавшись, Жуков торопливо зашагал, с лихорадочной тоской соображая, как далеко ему еще идти, какая ночь и тьма кругом и что лес, на который загадочно намекал ему Матвей, еще впереди.

Дорога спустилась к речке, и Жуков, как во сне, громадными скачками перенесся через мост над черной водой и зарослями ивы. Под мостом загудало, но Жуков даже не разобрал, был ли то действительно звук или ему показало. «Ну погоди, я до тебя доберусь!» — со страхом думал Жуков о Матвее, поднимаясь на пригорок, на котором, он знал, начинается лес.

Лес начался росой и сыростью. Что-то мощно дышало из глубины его, вынося в теплый полевой воздух запах прели, грибов, воды и хвои. Направо — в лесу — стоял густой мрак. Налево — в поле — было виднее. Спяли наверху звезды, чем позднее, тем все густевшие. Небо, хоть и черное, все-таки слабо дымилось светом, и деревья выделялись на его фоне твердыми силуэтами.

Из лесного мрака с какого-то сука сорвалась сова, со слабым шорохом перелетела и села впереди. Жуков услышал ее, но не видел, как ни старался. Видел он только, как, перечеркивая звезды, закачался сук, на который она села.

Подходя к ней, Жуков снова спугнул ее, и она стала летать кругами, захватывая часть поля и тотчас возвращаясь в лесную тьму. И теперь Жуков ее увидел. На горизонте за полями еще тлел остаток зарни, даже не остаток, а просто небо там было размытое, невещественней, и сова, пролетая, мелькала каждый раз там беззвучным темным пятном.

Тенденциозный суд завершился столь же тенденциозным приговором. Суд полностью удовлетворил требования прокурора, несмотря на то, что Галансков, Гинзбург и их адвокаты убедительно опровергли все основные доводы обвинения. В части, относящейся к Галанскову и Гинзбургу, приговор либо вообще бездоказателен, либо построен на показаниях Добровольского, не подтвержденных ни обвиняемыми, ни свидетелями. Наоборот, все показания обвинительного характера и вещественные доказательства (НТС-овская литература, деньги и шапирограф, найденные у него) свидетельствуют только против самого Добровольского, которому вынесен гораздо более мягкий приговор. Возникает впечатление, что Добровольский сыграл в этом процессе темную роль, и в качестве вознаграждения получил меньший срок.

Ход и результаты процесса вызывают у нас большую тревогу. За последние годы уже несколько раз происходили

явные нарушения законности и гласности на политических процессах (дело Снявского и Даниэля, дело Хаустова, дело Буковского и другие), от процесса к процессу все более грубые и очевидные. На последнем же процессе эти нарушения приняли характер полного произвола. Пока этот произвол не остановлен и не осужден, никто не может чувствовать себя в безопасности. Мы настаиваем на пересмотре дела

ДОКТОР
Кира Николаевна
КОЛДОМАСОВА - БАУМГАРТЕН
принимает
по пятницам от 18 до 20 час.
по субботам от 16 до 18 час.
AMENABAR 4156 CAPITAL
Телефон: 701.8413.

ГИРАЖ "НАШЕЙ СТРАНЫ" ДОЛЖЕН
ПЕРЕРЫВНО РАСТИ — ДАЙТЕ ЕЙ
СВОЮ ПЛОДОВОДНОСТЬ!

Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой, с соблюдением полной гласности и всех правовых норм, в присутствии представителей общественности из числа подписавших это письмо. Мы настаиваем также на том, чтобы лица, виновные в организации этого процесса и в дискредитации советского законодательства, понесли заслуженное наказание. Сбор подписей под нашим письмом продолжается.

Далее следуют 170 подписей нижеперечисленных, художников, математиков, студентов, историков и прочих представителей интеллигенции.

Среди подписавших это письмо — авторы обращения к советской интеллигенции И. Габай, Ю. Ким и П. Якир, Александр Есенин-Вольпин, поплатившийся за этот протест заключением в психиатрическую больницу, А. Краснов, Левитин, известный своими писаниями в защиту религии, и переводчица Н. Горбаневская, по некоторым сведениям недавно арестованная.

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
NUESTRO PAIS

Organo Monárquico Ruso

Editor-Director
TATIANA K. DE DUBROWSKY
MONROE 4219, Dep. 10
BUENOS AIRES (30)
T. E. 52-7426

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ И ТВОРЕНИЯ МИТРОПОЛИТА АНТОНИЯ

Вышел в свет пятнадцатый том из серии книг многолетнего издания под редакцией Архиепископа Николая (Рклицкого) "Жизнеописание и творения Блаженнейшего Антония, Митрополита Киевского и Галицкого" — "Слова, беседы и речи", произнесенные Митрополитом Антонием с 1888 по 1909 год. Они характеризуют духовное состояние русского общества и народа перед революцией и указывают пути нравственного возрождения, необходимого для восстановления России.

В книге 557 страниц.

Archbishop Nikon
of Washington and Florida
1841 Bathgate Ave.
New York, N. Y. 10457

В СУББОТУ 1-го ИЮНЯ 1968 г. В 21 ЧАС
YACHT CLUB OLIVOS, Alberdi 415, Olivos

ОСЕННИЙ БАЛ О.Р.Ю.Р.

- 2 ОРКЕСТРА
- ОБИЛЬНЫЙ БУФЕТ
- ЛОТЕРЕЯ
- НЕОЖИДАННОСТИ

Бальные или вечерние туалеты обязательны!

ВХОД 500 песо. Лучшие столики на 8—10 человек 2000 песо,
на 4—6 человек — 1000 песо.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПРОДАЖА БИЛЕТОВ И ЗАКАЗЫ НА СТОЛИКИ
ПО ТЕЛЕФОНАМ: 44-2061 — А. В. Баумгартен
44-6353 — И. Н. Шмитов
32-0473 — А. В. Баумгартен

По субботам от 9 до 20 час. в помещении О.Р.Ю.Р.:
CALLE BUENOS AIRES 2655, OLIVOS

ЗУБНОЙ ВРАЧ
Dra. PISAREDICH de HORNBAIN
Docenta de Facultad de Odontología
ДОКТОР МЕДИЦИНЫ
(говорит по-русски)
Специальное лечение корней зубов.
Бор-машина Ultrasónico.
Искусственные зубы.
Рентгеновские снимки.
Прием ежедневно от 14 до 20 час.
Corrientes 2885, P. 2, Dto 22, Capital
T. E. 88 - 3605
(Один квартал от станции подземки
Pueyrredón по линии Federico Lacroze).

Косясь на сову, Жуков спотыкался о корневища и нехорошо о ней думал. Глянуть направо в лес или назад он совсем не смел. А когда все-таки глянул вперед по дороге, мороз продрал его по спине: впереди и немного слева, перейдя из лесу через дорогу, стояли и ждали его кабысы. Маленькие были они, как и говорил Матвей. Один из них тотчас хихикнул, другой жалобно, как давеча за сараем, простонал: "О-о... О-о...", — а третий крикнул перепелиным победным голосом: "Подь сюда! Подь сюда!"

Жуков стукнул зубами и помертвел. Он и перекреститься не мог, рука не поднималась.

— А-а-а!.. — заорал он на вес лес и вдруг понял, что это елочки. Весь дрожа, как собака перед стойкой, сделал он к ним шаг и еще шаг... За елочками что-то зашуршало и покатилося с беспокойным криком в поле.

"Титца!" — догадался Жуков, радостно переводя дыхание и поводя плечами под намоченной рубашкой. Духом пронесся мимо елочек, он вытащил папиросу, достал было и спички, но тут же сообразил, что, если зажжет спичку, его сразу заметят во всем лесу. Кто заметит, он не знал и боялся думать, а знал, что заметят.

Жуков присел, посмотрел понизу по сторонам, натянул на голову пиджак и так, под пиджаком, прикурил. "Пойду поем!" — решил он. Идти лесом, дорогой он больше не мог, а в поле хоть и было страшно, но не так.

Он прошумел начинающимся по опушке орешником, вышел на открытое и зашагал вдоль леса, далеко обходя все чернеющее на его пути и беспрестанно поглядывая направо. Сова все летала, везде шуршало и попискивало, а то где-то в самой глубине леса, в оврагах раздавался не то крик, не то стон и долго колебался в воздухе, перекатываясь, как эхо, по опушкам.

Но вот лес кончился, опять зазеленела пыльная светлая дорога. Жуков вышел на нее и, повизгивая от страха, не оглядываясь, побежал крупной рысью, прижимая локти к бокам, как бегун. Он бежал, воздух погукивал у него в ушах, лес отходил все дальше, пока не стал едва заметной черной полосой. Жуков уже решил ни на что не смотреть и начал уже радоваться, начал, подлаживаясь под бег, напевать про себя что-то однозвучное и неестественно веселое: "Ти-та-та! Ти-та-та!" — как вдруг снова резко осадил и вытаращился.

То, что он увидел, не было на этот раз ни деревьев, ни птиц, как он уже привык, а было что-то живое, что подвигалось ему наперерез по меже. Не было оно похоже ни на человека, ни на корову, ни на лошадь, а имело вид неопределенный. Жуков слышал уже ясно похрустывание бурьяна на меже, мягкое попрыгивание, слабое постукивание...

— Кто это? — раздался звонкий голос.

Жуков молчал.

— Знакомый, нет? — обеспокоенно спросил голос уже с дороги.

Жуков теперь понял, что его окликают, что к нему подходит человек и ведет велосипед, но ответить не мог по-прежнему, только дышал.

— Жуков? — неуверенно догадался человек, подойдя вплотную и приглядевшись. — Здорово! Чего ж молчишь-то? А я думал, кто бы это? Спички есть? Дай-ка прикурить...

Теперь Жуков узнал Попова из райкома комсомола. Руки у Жукова так дрожали, что спички в коробке гремели, когда он давал их Попову.

— Откуда? — прикурив, спросил Попов. — А я, понимаешь, сбился. Еду к вам, да поворот прозевал, задумался... Вымахал уже к Горкам, да с той дороги сюда — по меже... Да ты что?

— Погоди... — сипло сказал Жуков, чувствуя слабость и головокружение.

— Погоди.

Он стоял, виновато усмехаясь, не мог никак справиться со слабостью, окатывался потом и коротко дышал. Пахло пыльным твердым подорожником.

— Заболел, что ли? — испуганно спросил Попов.

Жуков молча кивнул.

— А ну, садись! — решительно сказал Попов и развернул велосипед. Держись за руль. Ну!

Попов разогнал неровными толчками велосипед, вскочил на седло, сильно выгнув при этом, сдунул упавшие на лоб волосы и покотил в Дубки.

Жуков сидел на раме, ему было жестко и стыдно. Он чувствовал, как тяжело идет велосипед по пыли, Попов горячо дышал ему в спину, потакивал коленками.

Почти всю дорогу оба молчали. Наконец показались огни колхоза, и Жуков шевельнулся.

— Пстой-ка... — сказал он.

— Сиди, сиди! — задыхаясь, ответил Попов. — Тут немного, вот до медпункта доедем...

— Да нет, тормозни... — морщась, сказал Жуков и вытянул ногу, цепляясь за землю.

Попов с облегчением затормозил. Они соскочили с велосипеда и некоторое время стояли молча, не зная, о чем говорить. Рядом была конюшня, лошади услышали голоса, забеспокоились, переступая подковами по настилу. От конюшни сильно и приятно пахло навозом и дегтем.

— Дай-ка спичек, — попросил опять Попов.

Он закурил и долго с удовольствием вытирал пот с лица и шеи. Потом расстегнул ворот рубахи.

— Ну как? Полегчало? — с надеждой спросил он.

— Теперь ничего, — торопливо сказал Жуков. — Квасу я выпил. Наверное, от него.

Они медленно пошли по улице, слушая затихающие звуки большого жилья.

— Как в клубе дела? — спросил Попов.

— Так себе... Сам знаешь, уборка, народ занят, — рассеянно ответил Жуков и вдруг как бы вспомнил: — Да, не знаешь слова такого — "кабысы"?

— Как? как? Кабысы? — Попов подумал. — Нет, не попадалось. А тебе зачем, для пьесы, что ли?

— Так чего-то на ум пришло, — уклончиво сказал Жуков.

Они подошли к клубу и подали друг другу руки.

— Спички-то возьми, — сказал Жуков. — У меня дома есть.

— Ладно. — Попов взял спички. — А ты молока попей, помогает от живота...

Он сел и поехал к дому председателя, а Жуков прошел темными сенями и отомкнул свою комнату. Попив холодного чаю, он покурив, послушал в темноте радио, открыл окно и лег.

Он засыпал почти, когда все в нем вдруг повернулось и он будто сверху, с горы, увидел ночные поля, пустынное озеро, темные ряды опорных мачт с воздетыми руками, одинокий костер и услышал жизнь, наполнявшую эти огромные пространства в глухой ночной час.

Он стал переживать заново весь свой путь, всю дорогу, но теперь со счастьем, с горячим чувством к ночи, к звездам, к запахам, к шорохам и крикам птиц.

Ему опять захотелось говорить с кем-нибудь о культурном, о высоком — о вечности, например; он подумал о Любке, соскочил с койки, потопал босиком по комнате, оделся и пошел вон.

Юрий Казаков